

Т
1626289

A black and white portrait of a man, Alexander Fainberg, looking slightly to the left. He is wearing a dark jacket over a striped shirt and a dark tie. The background is dark and indistinct.

**АЛЕКСАНДР
ФАЙНБЕРГ**
Вольные сонеты

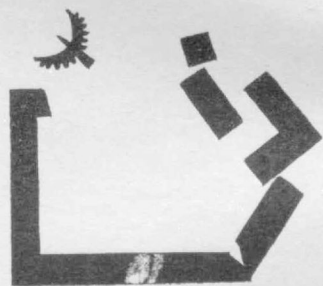

АЛЕКСАНДР
ФАЙНБЕРГ

Волынские сонеты

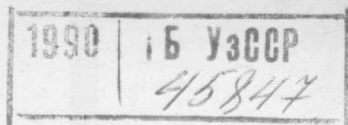

СЖ

Ташкент
Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Еш гвардия»
1990

I
1626289

Ф 17

Файнберг Александр.

Вольные сонеты / [Вступит. ст. Н. Матвеевой].—
Т.: Ёш гвардия, 1990.—48 с.

P2

Ф $\frac{4702010201-63}{356(04)-90}$ 46-90

ISBN 5-633-00426-4

© Александр Файнберг, 1990 г.

ВОЛЬНОЕ МНЕНИЕ О ВОЛЬНЫХ СОНЕТАХ

Быть может, это прозвучит крамолой? Но... как ни важна форма сонета и посильное ее соблюдение, а соблюдение духа сонета, полагаю, еще важней. Ведь есть картины и есть мысли, которые, как бы то ни было, приходят к нам только и единственно в форме НЕПРАВИЛЬНОГО СОНЕТА! Не однажды замечала я, исходя из собственной практики, что капризные мысли эти в форме сонета правильного (или в какой другой) могут даже и вообще не прийти!..

«Или я неправильный сонет, или я ухожу!»— бросает нам в лицо иной наш замысел.

Думаю, что Александр Файнберг и не задавался увлекательнейшей, но трудной формальной задачей: недаром свою работу он так и назвал—«Вольные сонеты». Название парадоксально уже и потому, что сонеты никогда не бывают «вольными». Но, быть может, именно в этих неправильных сонетах с наибольшей силой выразились основные особенности его пера.

Вот, к примеру, сонет о кривых зеркалах «смеха», в которых искажаются, делаясь неузнаваемыми, «смешными»— отражения людей.

...В ребра бьет игла.

От смеха? Ну конечно же, от смеха.

И вдруг:

Для слез нужны простые зеркала.

Явленное как бы внезапно философское обобщение отличается и тонкостью, и широтой. Мысль эта— быть может, и об искусстве, которое тем веселей, чем дальше от жизни, и тем ответственной, чем ближе к ней.

Последняя строка афористична.

Талантливость Александра Файнберга бесспорна, и хороши в его сонетах не только концовки да последние строчки. Законы сонета, будто бы ужасно сковывающие волю автора-пленника, но, со своей стороны, еще больше «скованные» разными неточностями исполнения, временами вдруг словно освобождаются сами собой, вырываются на волю, и тогда дает знать о себе желательная сонетная звонкость. И если афористичность (для сонетов, думается, обязательная) в работе Александра Файнберга налицо; если отметить, как разнообразна взятая им тематика (вспомним хотя бы превосходный сонет «Тревога», где рассматриваются проблемы войны и мира); если не упустить из виду серьезность проблематики «Вольных сонетов» в целом,— при том, что в них отсутствуют такие распространенные излишества, как выпренность, непонимание простоты и неприятие юмора,— можно смело пожелать Александру Файнбергу дальнейшего успешного продвижения по пути Сонета.

Новелла МАТВЕЕВА

1.

Как во щи кур, я влип в капкан сонета.
Кто мне его поставил на пути?
Свобода милосердная, прости
неосторожность глупому поэту.

Размер железный и рифмовка эта
сжимают мертвой хваткой до кости.
Так что же мне — венок теперь плести
чтоб он красиво плыл по водам Леты?

Я не стонал ни в холод и ни в голод.
Теперь же стон мне разрывает горло,
как древний клич — «Свобода или смерть!»

Но слышу сердцем голос небосвода —
Кто и в капкане вольно сможет петь,
тот и достоин истинной свободы.

2. ИСПОВЕДЬ

В любой травинке чувствую родню.
И, в землю глубоко уйдя корнями,
я отчество свое не поменяю.
Отечество тем паче не сменю.

Но в горечь правды меда я не лью,
чтоб вымолить за это подаянье.
Пускай другой богам на осмеянье
льет в раны оду лживую свою.

Он там, где по земле идет беда,
вины своей не чувствует никогда.
И нам, брат, грех — не взять ее на плечи.

Так пой, ни от чего не пряча глаз.
И за других схлопатывая плети,
знай, что судьба не зря пытается нас.

3. КОТЫ

При дубе кот. Здесь блошка не хамит.
Вот и гуляешь голым при народе.
Пойдешь направо — песенку заводишь.
Налево — сказку травишь, сибарит.

Мышам не причиняешь ты обид.
И толст, и в знаменитых благороден.
Не знает горя, кто вокруг дуба ходит,
где золото под лапами звенит.

Я тоже, братец, говорящий кот.
Но у меня других полно хлопот.
То гонят псы, то блохи за ушами.

Всяк по натуре свой удел терпи.
Я буду вольно промышлять мышами.
Ты днем и ночью шастай по цепи.

4. ПИСЬМО

От северных угрюмых берегов
тебя в тоске влечет неодолимо
к моим горам, в зеленые долины,
в сады под легкой тенью облаков.

Летишь на плеск прохладный родников.
А что как время все уже спалило,
и только звон потрескавшейся глины
ударит в глубину твоих зрачков?

А что как сердцу милая душа
сгорела и не стоит ни гроша?
К чему тебе такая неизбежность?

Оставь ее. Пусть будет далека.
Уж лучше без нее тоска и нежность,
чем с нею безнадежность и тоска.

5. БАЗИЛИКА

Здесь кровь раба в раствор для кирпичей
лилась во имя грозного владыки.
В глазах его не остывали блики.
И кровь кипела в зареве печей.

Я слышу звук божественных речей
под сводами прекрасной базилики.
Но вижу я рабов убитых лики
над бликами торжественных свечей.

Достойны вечной памяти рабы.
Себе ж я не хочу такой судьбы.
Свечу сломаю. Проповедь нарушу.

Нет бога в этом храме на крови.
Здесь кто убит, мою спасают душу,
взывая к состраданию и любви.

6. ЦВЕТЫ

Кто ждет гостей, кто ломится в кино,
кто в рай ведет красотку молодую.
Кому-то все равно, что я бедую.
Что я умру, кому-то все равно.

На это злиться, право же, грешно.
Не я ли забывал про боль чужую?
В миг смерти чьей-то, слез в душе не чуя,
не я ли пил веселое вино?

Так что ж теперь? От радостей и бед
бежать к вопросам, где ответов нет?
Блажен, кому сюда не возвращаться,

кто видит нас в далеком далеке,
как луг цветов счастливых и несчастных
у вечности на легком ветерке.

7. ЗЕРКАЛА

Ну зеркала! Сплошное неприличие.
Весь мир кривой. И все наоборот.
Хватаемся от смеха за живот
и каждый пальцем друг на друга тычем.

Давид до Голиафа увеличен.
Дистрофик — что из Нила бегемот.
Надолго до ушей растянешь рот
от карнавала эдаких обличий.

Ку-ку, толстушка с грудью налитой.
Стоишь худой коломенской верстой.
Где ноги — там оглобли. Во потеха!

Ой, не могу я! В ребра бьет игла.
От смеха? Ну конечно же от смеха.
Для слез нужны простые зеркала.

8. ЭПИТАФИЯ

Покойничек имел веселый норов.
Легко живя, не наблюдал часов.
Проигрывался в карты до трусов.
И, напиваясь, хрюкал, точно боров.

Он жить не мог без воли и просторов.
Он по стране гулял без адресов.
И, оставляя женщин без носов,
он оставлял с носами кредиторов.

Он всюду нарывался на скандал.
Врал без нужды он. И с нуждою врал.
Его не покидало вдохновенье.

В чужих домах он морды бил гостям.
Писал всю жизнь одно стихотворенье
и перед смертью сжег его к чертям.

9. ОСЕНЬ

В сердца все глубже загоня ложь,
друг друга мы обходим стороною.
Конечно, ты пропала бы со мною.
С таким, как я, недолго проживешь.

Теперь, когда былого не вернешь,
я понимаю каждую весною,
что пьян тобой — красивою, шальною —
я сам пропал бы тоже ни за грош.

А нынче осень. И горят костры.
И мы глотаем горький дым листвы.
Мы помним все. К чему нам эта память?

Пустая крона... Паутинки нить.
Мы, разойдясь, любимая, пропали.
Так что ж теперь друг друга обходить?

10. ШУТКА

Зазря, красотка, ты меня коришь.
Вольготно быть неведомым поэтом.
Я жив. И не изгадят мне анкету
ни Вашингтон, ни Лондон, ни Париж.

На нищету я не взгляну с афиш.
И, безнадежно расстелив газеты,
не сядут негры на мои портреты
сосать от безработицы гашиш.

Там у витрин, качаясь на ветру,
затылок я до плечи не протру.
И не поймаюсь в сеть из провокаций.

А потому доволен я судьбой.
Мне ль в небоскребе пить с американцем?
Куда милей в подвальчике с тобой.

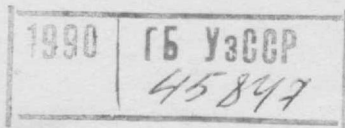
11. СЛОВО

Где слова не дано, там нет и прав.
Мы отравили древние глубины.
И в берег моря врезались дельфины,
и умерли, ни слова не сказав.

Молчат стволы порубленных дубрав.
Локаторы горам прогнули спины.
И меркнет свет над ядерной равниной.
И нету слов у обреченных трав.

Не проклянут нас ни вода, ни камень.
Нет слов у псов, добытых каблуками.
Нет слов у птиц, ракетой сбитых влет.

Две тыщи лет от рождества Христова.
А мы живем. И стыд нас не берет.
Кому ж ты дал, Господь, язык и слово?

12. ВСЕЗНАЙКА

Люблю, всезнайка, твой авторитет.
На все ты смотришь ясными глазами.
Я и вопрос тебе еще не задал,
а ты уже ответил: — Бога нет.

Ты знаешь траектории комет,
с какой печали раки ходят задом.
Что ж, оставайся, умник, лучезарным.
Но только дай один еще ответ.

Скажи мне, где была твоя жена,
что за полночь пришла вчера пьяна?
Цветы в руках и сорваны подруги.

Презрительно скривил всезнайка рот:
— Что за вопрос? Конечно, у подруги.
Подруга ж винодел и цветовод.

13. ЛАТВИЯ

Среди зимы поет виолончель.
Пылает пламя старого камина.
Играй, играй, глазастая фламинго.
Пускай душе становится горчей.

Да, да — горчей. Звучит оно точней.
Такие уж на сердце именины.
Смахнув слезу, я шторы отодвину,
и вздрогнут огоньки твоих свечей.

Слетает снег на дюны за окном.
Когда, скажи, и за каким вином
для струн ты эти ноты разучила?

Я долго был со счастьем разлучен.
Я не рыдал, когда была причина.
Так что ж теперь я плачу ни о чем?

14. ЮНОСТЬ

Мне девятнадцать. Служба — не война.
Мундир сверкает. Не унять волненья.
Сержант эН эН дает мне увольнение.
А в городе суббота и весна.

Сквозь КПП — хмельней, чем от вина —
ныряю в свежесть утренней сирени.
И плащика шального дуновение
в меня летит, как встречная волна.

Лети, лети. Мне большего не надо.
Стою меж Байконуром и Невадой.
В кармане увольнение до двух.

Есть время нам с тобой поцеловаться.
Еще он светел — тополиный пух.
Еще дуреет город от акаций.

15. ДУША

Ну что за мгла в саду твоей души?
Вот где чертям гнездиться повезло бы.
Лозою сплетни перевита злоба.
Змеится лесь в чертополохе лжи.

Не садик, а замри и не дыши.
Обходят стороной его. Еще бы!
Невежества коварная чащоба
таит в осоке подлости ножи.

Но не дрожи во мгле, вьюнок трусливый.
Я в мухомор вонзил перо крапивы.
С тем и прощай. Благодарю судьбу.

Торопит время выбираться к свету.
Не то, клянусь, не сгнил бы и в гробу
на лбу твоём венки таких сонетов.

16. ПИСАТЕЛЬ

Твоя поэма — верю — против зла.
Но только я читать ее не буду.
Тут надобна выносливость верблюда
иль жвачные способности вола.

Не обижайся. Краткость мне мила.
Люблю, когда неведомо откуда
влетит сонет — стремительное чудо.
Мгновение — и ты сгорел дотла.

И вот еще. Дозволенные темы
во веки не тянули на поэмы.
Что? Пресса хвалит? Эка благодать!

Такую воблу выловить — не диво.
Но чем кита из воблы раздувать,
поэта лучше пригласи на пиво.

17. УТЕШЕНИЕ

Я знаю, что чужбина — это лед.
Но лед чужбины — это, брат, не диво.
А диво, если край, до слез родимый,
в душе тебя родным не назовет.

Меня порой отчаянье берет.
А вдруг не растоплю я этой льдины?
Что если мне и в смертные седины
дыханьем не ударит ледоход.

Как быть тогда? От горя удавиться?
Летать по свету изгнанною птицей?
Прости. Ни то, ни это не по мне.

Так для чего же думать об итоге?
Надежды мне достаточно вполне.
Да и могила — не конец дороги.

18. ВОРЫ

Не дом чужой, а логово луны.
На стенах тень хозяйского забора.
А мы с тобою — два счастливых вора.
И нет ни перед кем у нас вины.

Два беглеца. Две певчие струны.
Над лунным ложем два преступных взора.
Но в наших поцелуях нет позора.
Они от слез восторга солони.

Крадем любовь у смерти на краю.
Но ведь крадем не чью-нибудь — свою.
Так зацелуй меня, моя отрада.

Благословен рискованный ночлег.
Мы воры. И гореть нам в топках ада.
Но лишь за то, что крали не навек.

19. АЛКОГОЛИК

Штаны — в заплатках. Жинка — без колец.
Где водка — там выламываю рамы.
А что до продовольственной программы —
так вот он, мой соленый огурец.

А нету водки — не кричи:— Конец!
Подумаешь, трагедия и драма.
Разлитый, как положено, по граммам,
одеколон — он тоже молодец.

Учись, как жить, заокеанский бармен.
Я марганцовкой глицерин разбавлю.
От политуры тож не откажусь.

Гуляй, душа! Не зря я пожил, братцы.
Я столько выпил за святую Русь,
что долго ей теперь опохмеляться.

20.

Зачем ты, братец, любишь свирепеть?
Зачем ломаешь лба архитектуру?
Мои сонеты — не литература.
Они в твою не попадутся сеть.

Мне сам Петрарка не мешает петь.
Петрарке не дает его культура
ни об меня, ни об мою бандуру
марать свою изысканную плеть.

Тут грамма нет классического духу.
Что ни словцо — то уху оплеуха.
Однако стоп, зоилова родня.

Сонет блюдешь? Ценю тебя за это.
Но что, коль речь презренная моя —
как раз и есть живая кровь сонета?

21. ЭХО

Давно, любовь, я пал с твоих высот.
Давно омыл следы твои слезами.
Живу теперь легко, как на вокзале.
Транзитный ветер на душе поет.

Не знаю ни печалей, ни забот.
Зато застолья дружеские знаю.
А к той — чужой — с продажными глазами
меня теперь и черт не занесет.

Прощай, любовь. Я все тебе сказал.
Но кто это идет через вокзал
в английской куртке и сапожках сербских?

Чьи волосы там плещут по плечу?
Она? Она. Замри, дурное сердце.
Не вскройся, шрам. Я жить еще хочу.

22. ПОЭТ

Большой поэт встречает Новый год.
Да вот веселье что-то не такое.
Прозренья не дает ему покоя,
а слава стать собою не дает.

Закусок на столе невпроворот.
Он выпьет спирт. Он в стужу дверь откроет.
Борей ли хрипнет в соснах за рекою?
Высоцкий ли о родине поет?

Он пьян — поэт. Он горько понимает,
что зря его дорога — не прямая,
что не вернешь вчерашние дары.

Вот и живет, сверкая поневоле,
как при свечах красивые шары
на праздничной, но обреченной хвое.

23. ОТРАЖЕНИЕ

Дурак, что пьяный, машет кулаком.
Дурак и создан сварам для затравки.
Но отхватив синяк по высшей ставке,
живет он, гордый этим синяком.

Дурак повсюду будет дураком.
Он, как дурак, плывет в базарной давке.
Он, как дурак, торчит в торговой лавке,
пока не даст по шее базарком.

К жене придет — и здесь труби отбой.
Любить его? Какая там любовь!
Ему уже и церковь не поможет.

Ни дать ни взять — ханыга и жулье.
Ну, рожа дурья! Ну, ошметок божий!

Почем, хозяин, зеркальце твое?

24. ТРЕВОГА

Всегда — тревога. Никогда — отбой.
Ну до чего ж несчастная планета.
Ракеты — в небе. Под водой — ракеты.
Любимая, что делать нам с тобой?

Куда летит он — шарик голубой?
Кто нам с тобой поведаст об этом?
И кто кого потребует к ответу
за то, что все окончилось бедой?

Ну кто, скажи, признается виновным?
Поэт без чина? Молодец чиновный?
Иль этот маршал? Или тот солдат?

Куда ни глянь — невинные создания.
Но раз никто ни в чем не виноват,
нет никому из нас и оправданья.

25. ВЧЕРАШНИЙ

Не стал ты, проза, к старости добрей.
Статьей грозишь, где вывод крупным планом.
Что за охота — лазить по чуланам
за кочергой давно минувших дней?

Ты не уймешь веселости моей
ни клеветой, ни злобой, ни обманом.
Ты лучше б новым припугнул романом.
Вот тут уж мне б не стало веселей.

Статейкой не прижать меня к стене.
Твой гнев рекламой обернется мне.
Что выгоды тебе в таком наваре?

От прозы кочерга! Велик престиж.
Вот я тебя стихами отоварю,
так ты в бессмертье с нею улетишь.

26. МАРШ

Сквозь городок вдоль зелени оград
проходим строем — юные солдаты.
За речку, за шлагбаум полосатый
нас всех ведет на стрельбище комбат.

Шагаю — воин с головы до пят.
Сверкаю от сапог до автомата,
А окна пламенеют от заката,
А в окнах занавесочки парят.

Вьюном увиты чьи-то частоколы.
Звучит рояль из музыкальной школы.
А нам-то что? Нам это все — мираж.

Уже видны бетонные укрытья.
До стрельбища — один короткий марш.
Парите, занавесочки, парите.

27. ОБЖОРА

На дастархан в твоих ляганах плов
лег величаво, как хребты Чимгана.
И ты сидишь достойней истукана
в лучах от золотящихся мослов.

Что пред тобой обжоры всех веков!
Дымятся риса знойные вулканы.
На красный бархат желтый жир барана,
искрясь, течет с шипящих шашлыков.

Жуя, свой рот ласкаешь ты рукою.
Я б мог тебя убить одной строкою.
Но ты бессмертен — вот ведь в чем беда.

В каких ни закопай тебя суглинках,
восстанешь ты и явишься сюда,
почуяв плов на собственных поминках.

28. ЛЮБОВЬ

У входа в небо я тебя искал.
Был сердца крик. Но не было успеха.
Лишь над горами громыхнуло эхо
да камни взвыли, падая со скал.

Меня и океан не приласкал.
Мой зов, что оказался не по веку,
в воронку сгинул крабам на потеху,
да свистнул ветер солью по вискам.

Песок пустынь шипел в моих следах.
Меня вокзалы помнят в городах.
Но ты всю жизнь была со мной в разлуке.

Сегодня ты пришла к моей беде.
На плечи нежно положила руки.
Родная, поздно. Нет тебя нигде.

29. ЗАВИСТНИК

Скажи мне, кто он — твой Пигмалион?
В какой тебя выдалбливал он яме?
Змееголов, обглоданный червями,
служил ему, видать, за эталон.

Узрев талант, горят, как самогон,
две злобные гнилушки под бровями.
Не твой ли предок, мучимый угрями,
подняв дубину, шел на Парфенон?

Я слог ищу. Перебираю струны.
А ты на абордаж берешь трибуны.
Доносами пугаешь белый свет.

К чему сей труд?.. К известности? К награде?
Ну что ж... Ты заработал на сонет.
Возьми его, убогий, Христа ради.

30. ТАШКЕНТ. 1943

Над мастерской сапожника Давида
на проводах повис газетный змей.
Жара. По тротуару из камней
стучит к пивной коляска инвалида.

Полгода, как свихнулась тетя Лида.
Ждет писем от погибших сыновей.
Сопит старьевщик у ее дверей,
разглядывая драную хламиду.

Плывет по тылу медленное лето.
Отец народов щурится с портрета.
Под ним — закрытый хлебный магазин.

Дом в зелени. Приют любви и вере.
Раневскую добытый керосин.
Ахматовой распахнутые двери.

31. ВЛАСТИТЕЛЬ

Ты прочь идешь от падающих ниц.
Твоим глазам давно уж не любезны
ни лик раба, клейменного железом,
ни сахарин подобострастных лиц.

Ты утомлен от власти без границ.
Ты взаперти в бокал глядишь не трезво.
Терзает слух твой мат головорезов
и мерзок стон из каменных темниц.

Зато какой божественный покой,
когда лежишь с наложницей нагой
меж покрывал, что призрачней тумана.

Ты все забыл. И смотришь, не дыша,
как масло дивных роз из Тегерана
течет на грудь ей с твоего ножа.

32. ДОРОГА

Грехи мои! Ничто им не броня.
Замру на дне, заруюсь ли в берлогу —
вонзаясь в сердце хваткою бульдогов,
они оттуда достают меня.

Конвой грехов, доспехами звеня,
бьет по спине, толкает на дорогу.
Во мгле небес над каменистым логом
горят костры священного огня.

Ответь, моя несчастная звезда,
куда ведут? Неужто же туда,
где серный дым струится из расщелин?

Ужель, ответь, на камни я паду
не перед ликом ангела прощенья,
а пред копытом дьявола в чаду?

33. МОНСТР

Ну предположим, ты — из великанов.
И в прозе — лев, и в критике — гюрза.
Но кто ж тогда сменил тебе глаза
на пару осторожных тараканов?

К чему, скажи, среди политиканов
играть литературного туза
иль, спрятавшись, как поп, за образа,
на бобиков науськивать полканов?

Одних ты матом кроешь ни за грош.
К другим на полусогнутых ползешь.
А к третьим ты войти умеешь боком.

Мне дела нет. Валяй хоть в короли!
Но если кто наказан будет богом,
так это, брат, биографы твои.

34. ВОПРОС

Не упаду пред женской красотой.
Отвергнутый, не брошусь за корму.
Красавица всегда верна тому,
кто ни любви, ни верности не стоит.

Взывать, молить — занятие пустое.
И просто смех — учить ее уму.
Поди очисти от снега Колыму
иль рай воспой у черта на постое.

А ты красива. И полна огня.
Ты всем назло в объятьях у меня.
И не доступна никому другому.

Ты слезы льешь от счастья и стыда.
Твоя любовь созвездьями ведома.
Но, боже правый! Кто же я тогда?

35. ВИТИЯ

Хорош вития! В бороде — котлета.
Горланит. Не боится ни черта.
И свастики, как черви, изо рта
летят в тарелку местного поэта.

Поэт аж позабыл про сигарету.
Пар от ушей. Разомкнуты уста.
Так вот она — свершенная мечта!
Теперь на все он получил ответы.

Кто был Эйнштейн, а кто — эйнштейнов брат.
Кто в планетарных бедах виноват.
Но тут швейцар их поднял за жилетки.

И двинулись, сверяя с веком шаг.
Один — в портфеле унося объедки,
другой — с лапшой на пламенных ушах.

36. РОДИНА

Меж знойными квадратами полей
она легла до горного отрога —
гудроновая старая дорога
в тени пирамидальных тополей.

Я в юности не раз ходил по ней
с теодолитом и кривой треногой.
Я пил айран в той мазанке убогой,
где и теперь ни окон, ни дверей.

Печальный край. Но именно отсюда
я родом был, я родом есть и буду.
Ау, Европа! Я не знаю Вас.

Вдали орла безмолвное круженье.
В зубах травинка. Соль у самых глаз.
И горестно, и счастливо мгновенье.

37. ОХОТА

Зверь никогда не лезет на рожон.
Но и патрон в стволе терпенье копит.
Случайный выстрел в камышах и топях
на черный день для всех прибережен.

А затрубит охотничий рожок,
так здесь уж нет спасенья и в галопе,
Кто убегает — смерть свою торопит.
Удар курка — и срезан твой прыжок.

Отлит на славу голубой свинец.
Не нынче — завтра. Все один конец.
Так выходи, когда рожок покличет.

Сцепи свой взгляд с охотничьим зрачком.
И старый долг, чтоб не ломать обычай,
отдай пред смертью когтем и клыком.

Венок сонетов сочиняешь ты.
Вот горе-то — усердье понапрасну.
Венки, дружок, не могут быть прекрасны.
Не оживают мертвые цветы.

Вон, оглянись — луга твои пусты.
В них стало сиротливо и ненастно.
Так для того ль, стараясь, как савраска,
искал ты красоту от красоты?

Эх, чучело на зимнем огороде!
А я? Я счастлив при любой погоде,
когда мы друг от друга далеки,

когда, живя земли моей дыханьем,
сонеты, не вплетенные в венки,
звучат на равных с вольными стихами.

С пустою переметною сумой
от всех базаров, где торгуют славой,
я по сухим, по выгоревшим травам
пришел к своей могиле, как домой.

Здесь верещит кузнечиками зной.
Присяду у последней переправы.
Вон — вдоль крестов, как будто вдоль дубравы,
угрюм и пьян, идет могильщик мой.

Увы, я жизнью торговать не смог.
Так это ли для смерти не предлог?
Что ж ты не весел, бородач с лопатой?

Он поднял флягу. Отхлебнул глоток.
И хрипло молвил:— Я не виноватый.
Но эта яма продана, браток.

СОДЕРЖАНИЕ

Новелла Матвеева. «Вольное мнение о вольных сонетах»	5
1. «Как во щи кур, я влип в капкан сонета...»	7
2. Исповедь	8
3. Коты	9
4. Письмо	10
5. Базилика	11
6. Цветы	12
7. Зеркала	13
8. Эпитафия	14
9. Осень	15
10. Шутка	16
11. Слово	17
12. Всезнайка	18
13. Латвия	19
14. Юность	20
15. Душа	21
16. Писатель	22
17. Утешение	23
18. Воры	24
19. Алкоголик	25
20. «Зачем ты, братец, любишь свирепеть?..»	26
21. Эхо	27
22. Поэт	28
23. Отражение	29
24. Тревога	30
25. Вчерашний	31
26. Марш	32
27. Обжора	33
28. Любовь	34
29. Завистник	35
30. Ташкент. 1943	36
31. Властитель	37
32. Дорога	38

33. Монстр	39
34. Вопрос	40
35. Витя	41
36. Родина	42
37. Охота	43
38. «Венок сонетов' сочиняешь ты...» .	44
39. «С пустою переметною сумой...» .	45

Литературно-художественное издание
ФАЙНБЕРГ АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ

ВОЛЬНЫЕ СОНЕТЫ

Рецензент — **К. АКСЕНОВ**, член СП СССР

Редактор **Ю. РОЗВАДОВСКИЙ**

Художник **Н. ВЗЕНКОНСКАЯ**

Художественный редактор **Н. АБДУЛЛАЕВ**

Технический редактор **В. ДЕМЧЕНКО**

Корректоры **З. НАДЖАТОВА, З. КОЛОМИЕЦ**

ИБ № 2724

Сдано в набор 13.10.89. Подписано печать 7.05.90. Р-07769. Формат 70×108^{1/32}. Бумага № 1. Печать высокая. Гарнитура журнально-рубленая. Усл. печ. л. 2,10. Уч.—изд. л. 0,95. Усл.кр.-отг. 2,45. Тираж 10000. Договор 28—89. Заказ 6128. Цена 10 к.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия» - Ташкент, 700113, м. Чиланзар, ул. Катартал, 60.

Набрано и отпечатано в Т.ПО «Магбуот» по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Ташкент, ул. Навои, 30.

**АЛЕКСАНДР
ФАЙНБЕРГ**
Вольные сонеты

«Велотреки», 1965

«Этюд», 1967

«Мгновение», 1969

«Стихи», 1977

«Далекие мосты», 1978

«Печать небосклона», 1982

«Короткая волна», 1983

«Невод», 1986

«...Думаю, что Александр Файнберг и не задавался увлекательнейшей, но трудной формальной задачей: недаром свою работу он так и назвал «Вольные сонеты». Название парадоксально уже и потому, что сонеты никогда не бывают «вольными». Но, быть может, именно в этих неправильных сонетах с наибольшей силой выразились особенности его пера...»

Новелла МАТВЕЕВА

